

М.Ю. МЕЛЬЧАКОВА

О ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ РУСИ XII в.

Понятия «демократия» и «демократические структуры управления» (принадлежность верховной власти народу – народному собранию, выборность и подотчетность должностных лиц) в отношении доиндустриальных обществ традиционно относятся к античным формам государственности – конкретно к древнегреческому полису. Однако, учитывая функциональную преемственность таких форм общественной организации как племя и государство (через задачи управления)¹, логично предположить сохранение демократических традиций и в рамках более поздних государств, прежде всего реализующихся в самоуправлении. Эта преемственность подтверждается и развитой И.Я. Фрояновым и А.Ю. Дворниченко идеей о полисе – городе-государстве как о промежуточном этапе при переходе от племенного общества к государственному² (со своеобразной системой управления, сочетающей народное собрание – наследие системы племенного самоуправления с разветвленной системой магистратур – признак оформления публичной власти).

Вообще, самоуправление как форма саморегуляции общественного организма по своим функциональным характеристикам сближается с понятием демократии как народовластия: власть принадлежит народу – всей общности, всему коллективу – это фактически самоуправление в рамках этой общности. С образованием государства, при разделении потестарных функций на собственно управление той или иной сферой жизнедеятельности общностей и властвование как процесса обеспечения интегративной целостности этой общности и поддержание в ней общего порядка³, связь самоуправления с демократией практически не нарушается при условии сохранения механизма саморегуляции хотя бы на уровне отдельной общности. Следовательно, уровень развития самоуправления оказывается и показателем развития демократической традиции в обществе, и территориально, и хронологически выходящей за пределы античной Греции. И действительно, примеры систем управления, построенных на демократических принципах, дают и новгородские летописи, и исландские саги, повествуя о народовластии, народных собраниях – вечах и тингах, об особых отношениях новгородцев с князьями. XII век любопытен не только тем, что приблизительно в это время происходит оформление республиканской государственности в Новгороде,

но и тем, что именно в XII в. закладывается основы системы управления в рамках обширной Новгородской Руси.

Учитывая опыт центрального республиканского управления Новгорода (посредством общегородского веча – кончанских и уличанских вечевых собраний, сместного суда, посадничества, постепенного оформления системы должностных лиц Новгорода Великого), закономерный интерес вызывает проблема организации управления в более широких рамках, тем более, что власть Новгорода в XII в. распространялась на значительные территории (Ижорскую землю, Бежецкую землю, Заволожье, Помостье, Мелечу, Шипино, Обонежье).

Так, согласно распространенной точке зрения, Древнерусское государство (и в том числе Новгородская земля) представляет собой пример отношений внутри государства по иерархическому принципу: город – округ. Не случаен термин, предложенный И.Я. Фрояновым и Я.Ю. Дворниченко: «город-государство». Город, по их мнению, возник как жизненно необходимый орган, координирующий и направляющий деятельность образующихся на закате родоплеменного строя общественных союзов, межплеменных по своему характеру⁴. При обширной территории город-государство уже не ограничивается системой самоуправления, предполагая более сложную систему взаимоотношений между городом и провинцией (округой). Вопрос о демократических принципах управления Новгорода в целом остается открытым, так как выходит за пределы собственно самоуправления.

В историографии, посвященной истории Новгорода, привычной оказывается позиция исследователей, при которой сам город выступает как некая «политическая доминанта» в отношении к остальным окрестным землям. Опираясь на известное сообщение Лаврентьевской летописи под 1176 г. – «Новгородцы бо изначала, и смольняне, и кыяне, и полочане, и вся власти, яко же на думу, на вече сходятся, и что старейшие сдумаютъ, на том и пригороды стануть»⁵, делается вывод о том, что главными в определении пригородов выступают отношения подчинения. По мнению А.Ю. Дворниченко, город в представлении людей Древней Руси не только самоуправляющаяся община, но и правящая (понятие «город» переносилось на всю волость, а соответственно под названием «новгородцы» скрывались и жители волости)⁶. Хотя, как кажется, выраженная специфика политического развития Новгородской Руси позволяет поставить вопрос о правомерности перенесения общих для всей Древней Руси отношений на Новгородскую землю без тщательного рассмотрения данных местных источников (прежде всего Новгородской Первой летописи и берестяных грамот).

Сразу следует отметить, что сведения письменных источников, наиболее информативных в определении политических взаимоотношений территорий внутри государства в XII в., достаточно разрозненны и скупы, что делает необходимым комплексный анализ источников.

Сам термин «пригород» по новгородским источникам впервые встречается только в конце XIV в.⁷ При исследовании XII в. мы фактически опираемся лишь на известное употребление термина в Лаврентьевской летописи, отмеченное ранее, а также пользуемся методом ретроспективы, перенося на Ладогу, Псков, Торжок (Новый Торг, Тържък), Руссу, Изборск, Луки понятие более поздних новгородских пригородов. И в том, и в другом случае, сам термин не отражает действительной ситуации в Новгородской Руси XII в. Поэтому использование в данной работе термина «пригород» – скорее дань историографической традиции, что требует конкретизации.

Так, одним из наиболее известных нам пригородов является Ладога. Первые достоверные сведения о Ладоге как владении Новгорода относятся к 1116 г.: «Павел, посадник ладожский, заложи Ладогу город камянь»⁸. В 1132 году новгородцы призывают ладожан и псковичей и выносят совместное решение о судьбе кн. Всеволода⁹. Любопытно то, что тогда же в Новгороде были определены посадники в Псков и Ладогу: «И приидоша плесковици и ладожане Новугороду, и выгониша князя Всеволода из города... а Мирославу даша посадницать в Плескове, а Рагуилове в Ладозе»¹⁰. Из контекста следует, что выборы посадников происходили в Новгороде при участии самих ладожан и псковичей. Личность Рагуила трудно определить. В летописях это имя вторично встречается только в 1201 г., когда Рагуил Прокопийици упомянут в числе погибших в сражении с Литвой. Как кажется, он не был знатным новгородцем – упомянут вместе с Мирошкиным отроком и без какой-либо должности. Лиц с отчеством «Рагуилович» также не встречается. В берестяных грамотах также нет упоминаний лиц, каким-либо образом связанных с этим именем, хотя для более позднего времени есть упоминание о селе Рагуилово¹². Поскольку хронологический разрыв грамоты и летописного сообщения значителен, прямое сопоставление их данных вряд ли возможно. Молчние источников можно связать либо с тем, что Рагуил, ставший посадником, не был знатным новгородцем и не участвовал активно в политической жизни Новгорода (следовательно, 1134 год был единственно значимым в его политической карьере), либо с тем, что он вообще не был новгородцем, а потому и сведений о нем в новгородской летописи не осталось. Для Ладоги это означает, что посадником в 1134 году стал либо рядовой новгородец Рагуил, либо ладо-

жанин. Учитывая участие самих ладожан в появлении посадника («даша»), второй вариант был правильным: хотя выборы состоялись в Новгороде «по случаю», посадником избран был ладожанин. Вариант назначения кого-либо со стороны (например, из Пскова) кажется менее реальным, так как в Псков был выбран свой посадник. В принципе возможность не выбора, а назначения (по рекомендации) со стороны новгородцев тоже возможна, хотя на фоне коллективного и равноправного решения о князе Всеволоде это кажется маловероятным.

Далее летопись сообщает, что к середине века архиепископ Нифонт ставит в Ладоге церковь св. Климента¹³, а в событиях 1160 года¹⁴ Ладога фигурирует как место политической ссылки кн. Святослава Ростиславовича, посаженного на новгородский стол его отцом Ростиславом. Более любопытные известия относятся к 1164 г., когда «придоша Свей под Ладугу, и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася в граде с посадником с Нежатою, а о князя послаша и по новгородцев¹⁵. Дело в том, что в Ладоге оказывается посадник Нежата – фигура достаточно известная по НПЛ. Еще в 1137 году Нежата вместе с другими сторонниками кн. Всеволода бежал из Новгорода, а в 1141 г. возвратился из Суздаля обратно в Новгород. В 1144–46 и в 1160–61 гг. он – посадник новгородский. Конечно, можно допустить, что здесь просто совпадение имен, однако по распространенности это имя далеко не самое частое, тем более что время второго посадничества единственного посадника с таким именем хронологически оказывается рядом с упоминанием ладожского посадника. Если отождествить этих двух Нежат, оказывается, что в Ладоге посадничает человек, в прошлом прямо связанный с новгородским боярством и занимавший должность новгородского посадника. При этом именование Нежаты посадником возможно лишь в том случае, если и в Ладоге он также занимал эту должность. Действия Нежаты в Ладоге самостоятельны: затворился в городе с ладожанами, послал за князем и новгородцами, хотя обращение за помощью и связывает Ладогу с Новгородом. Логично предположить, что этот посадник ладожский был связан с Новгородом более, чем сами ладожане. В.Л. Янин по этому поводу делает следующее наблюдение: «Нежата в 1164 году оказывается там, куда новгородцами по его инициативе в 1160 г. был выслан теперешний новгородский князь Святослав Ростиславович¹⁶. Другими словами, исследователь полагает, что Нежата был выслан из города князем в отместку. Причины, по которым Нежате было выгодно быть подальше от Новгорода налицо. Однако связывать это только с волей князя (политическая ссылка) не позволяет как наличие к этому времени республиканских органов власти – по крайней мере республиканского посадника,

правда, противника Нежаты, так и с характером самого Нежаты. Скорее мы можем говорить либо о назначении его в Ладогу (Новгородом как правящей общиной или князем), либо об избрании его самими ладожанами.

Святослав, желая удалить из города своего противника, сам (или вместе с посадником, который явно был настроен в пользу такого решения) назначает его посадником в Ладогу. При таких обстоятельствах Ладога оказывается зависящей от Новгорода через институт посадничества. Однако вероятность избрания самими ладожанами посадника из Новгорода также остается: в 1132 и 1136 годах ладожане дважды наравне с новгородцами и псковичами решали судьбу новгородского стола, да и сам Нежата, который обладал решительным характером, в такой ситуации вполне мог по собственной воле покинуть Новгород, мог согласиться и на приглашение ладожан. Но даже если Нежата был волен в своих действиях, а право выбора Ладоги ограничено – при любом варианте событий в Ладоге в 1164 году посадником был знатный новгородец, а защищали ее новгородское войско с новгородским князем во главе.

Последнее упоминание в летописи о Ладоге в XII в. связано с совместным участием новгородцев, ладожан, псковичей и новоторжцев в походе с кн. Ярославом на Полоцк.

Интересные данные о Ладоге дает и комплекс берестяных грамот. Хотя сам топоним встречается лишь один раз и датируется не ранее конца XIV в., можно выделить грамоты, связанные с Ладогой уже для XI – первой четверти XII в. А.А. Зализняк, рассматривая древнейшие грамоты, выделяет группу «писем Павла и Ивана» – грамоты № 745 и 746, найденные на Троицком раскопе¹⁷. Согласно предположению В.Л. Янина¹⁸, Иван, фигурирующий в грамотах № 633, 586 – это новгородский посадник Иванко Павлович (1134–1135 гг.). Грамота № 736 объединяет Ивана с Павлом, а грамота № 745, исходящая от Павла, подкрепляет предположение об их близком родстве. В данном случае нам интересно то, что А.А. Зализняк полагает возможным отождествить Павла с посадником ладожским¹⁹. Вместе с тем, грамота № 745, написанная от лица Павла, и грамота № 586 с именем Ивана косвенно связаны с группой грамот, объединяемых именем Нежата. Все упомянутые грамоты были найдены на Троицком раскопе на усадьбах к западу от Пробойной улицы и датируются приблизительно одним временем – концом XI – первой четвертью XII вв.²⁰ По территориальному признаку и по смыслу грамот семья Павла и Ивана достаточно тесно связана с Нежатой и его родственниками.

Как отмечалось ранее, само имя Нежата – достаточно редкое. Естественно, что кажется очень заманчивым отождествить летописного Нежату с Нежатой из берестяных грамот. Однако при этом следует учесть прежде всего проблему хронологической совместимости этих двух имен. Летописный Нежата впервые появляется в тексте в 1137 году. Между этой датой и его появлением в качестве ладожского посадника проходит 27 лет. А.А. Зализняк настаивает на предпочтительном датировании грамот концом возможного интервала – 1-й четвертью XII в. Следовательно, если принять, что к 1125 году Нежата должен был быть как минимум совершеннолетним, то в 1164 году ему могло бы быть около или больше 60 лет. Этот возраст вполне реален для занятия должности посадника. Также сопоставимыми оказываются упоминания о посаднике Павле: 1116 год по летописи и конец XI – первая четверть XII: гр. № 745; (гр. № 736 дает датировку внутри этого промежутка).

Однако, если мы примем тождество информации летописей и грамот, летописный ладожский посадник Нежата оказывается косвенно связан с предыдущим ладожским посадником Павлом – и территориально, и возможно по родству. А это наводит на размышления: в Ладоге XII в. с промежутком почти в 50 лет посадниками оказываются знатные новгородцы, причем живущие в одном конце – Людином (Троицкий раскоп располагается на территории древнего Людина (гончарского) конца). Если эти предложения верны, то им можно дать два объяснения:

1. Представители этого конца традиционно занимали посадничьи должности в Ладоге. Если относить это право к выгодным, то в таком случае логично предположить, что ладожское посадничество должно было быть связано с сильнейшей боярской группировкой – по праву сильного. Однако «лидерами» этого конца до 1209 г. признается клан Мирошкиничей, с уничтожением которого, был, как кажется, связан закат политической истории Людина конца²¹. Следовательно, эта должность не была тождественна привилегии. Тем более, что сам Нежата оказывается ладожским посадником в сложной для него самой ситуации. Поэтому рассматривать права боярства Людина конца на посадничество в Ладоге следует очень осторожно.

2. Выбор самих ладожан по принципу знатный и сильный, хотя и «в опале». Хотя о Павле практически ничего не известно, его сын – посадник Иванко Павлович (1134–1135 гг.) – фигура очень значимая для своего времени. Политическая карьера Нежаты уже рассматривалась. Беря в посадники Нежату, ладожане выбирали бывшего новгородского посадника, имеющего политические связи в Новгороде, делали ставку на оппозицию новгородскому князю Святославу Ростиславовичу.

С позиции пригорода, зависимого от Новгорода, более или менее самостоятельная политика была возможна лишь в случае несогласия ее руководства с политикой Новгорода. В принципе, Нежата мог действительно быть выгоден Ладоге, а, значит, гипотеза о выборе его самими ладожанами имеет право на существование.

Отношения Ладоги с Новгородом можно рассмотреть и с несколько другой точки зрения. В XII в. для Ладоги известны только три посадника: два из них связаны с Новгородом, третий – скорее всего с самой Ладогой, хотя должность он получил также в Новгороде. То, что летописи не упоминают ладожских посадников вообще никак не связанных с Новгородом, может трактоваться как в пользу отсутствия их как таковых, так и просто как неактуальность этого вопроса для новгородских летописцев. Поскольку Софийский архиерейский дом, непосредственно руководивший летописанием, позднее обычно проявляла интерес к делам управления, тем более, что судя по сфрагистическим материалам, для более позднего периода – XIV в. печати Старой Ладоги представлены только печатями наместников новгородского архиепископа²², скудость сведений о ладожских посадниках вполне может говорить в пользу определенного самоуправления, позднее потерянного (гражданские дела стали под юрисдикцию новгородского владыки, о чем говорит сфрагистический материал). С другой стороны, Ладога была именно городом, о чем говорит замена топонима «Ладога» в НПЛ старшего извода на термин «городом»²³, управление которым должно было осуществляться постоянно. Предположить существование непрерывного посадничества невозможно, так как если бы посадников было всего трое, появление нового означало смещение или смерть старого, о чем летопись не упоминает. Это значит, что должность ладожского посадника не была столь значима как в Новгороде XII в., а упомянутые посадники или, возможно, сам институт посадничества были скорее исключением, нежели правилом. Последнее значит, что в Ладоге должны были быть какие-то должностные лица, возможно не посадники (сама должность и в Новгороде до 1126 г. не была связана с республиканским аппаратом управления), деятельность которых не была так тесно связана с Новгородом и, возможно, простиралась только на решение местных вопросов.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения взаимоотношений Ладоги и Новгорода, можно сделать такие выводы:

1. Скорее всего, зависимость Ладоги проявлялась в необходимости принятия посадника, связанного с Новгородом, и в военной поддержке со стороны новгородского войска;

2. Ладожане могли участвовать в решении внутренних вопросов

Новгорода, например, в изгнании князя в 1132 и 1136 гг. и в совместных военных действиях новгородцев, псковичей;

3. Можно предположить существование права выбора самими ладожанами выгодного им посадника из числа новгородских бояр;

4. Малое число известных ладожских посадников может объясняться исключительностью этого института для Ладоги и косвенно свидетельствовать об аппарате местного самоуправления.

Еще одним крупным пригородом Новгорода, существование которого нашло отражение в летописях, являлся Псков (Пльсков). По многим статьям Псков или псковичи оказываются рядом с Ладогой и ладожанами: вместе участвуют в событиях 1132–1136 гг., вместе получают или избирают посадников, ходят в военные походы вместе с новгородцами, одновременно там строятся церкви (1156 г.). По аналогии с Ладогой, можно попытаться прояснить фигуру посадника Мирослава²⁴. Из известных нам Мирославов в 1132 г. жил только Мирослав Гюрятинич, ставший посадником Новгорода в 1126 году и, вторично, в 1136 году. То, что летопись упоминает их практически в одно время и по-разному (новгородский посадник – с отчеством), не позволяет видеть в них одно лицо. Более того, поскольку Мирослав, как и Рагуил больше в летописи не появляется, кажется возможным сделать те же выводы, которые были приведены в отношении ладожского посадника. Так же как и для Ладоги, для Пскова известны единичные случаи самостоятельных военных действий. Все это позволяет говорить о близости положения этих двух пригородов в системе управления Новгородской земли.

В отличие от Ладоги и Пскова, третий пригород – Новый Торг – в XII в. упоминается гораздо чаще. Если в первых двух источники фиксируют наличие посадников, то в Торжок, по сведениям летописи под 1158 и 1176 гг., назначался князь.

Причем если в первом случае инициатива вообще идет от князя – Ростислава Мстиславовича, который в следующем году станет киевским князем, то во втором – со стороны новгородцев: «Идее Ростислав Смольску и с княгынею, а сынъ свои Святослав посади Новгороде на стол, а Давыда на Новеем Торгу»²⁵, «и посадиша новгородцы Мстислава на столе (новгородском), а Ярополка на Новом Торгу, а Ярослава на Ламьскемъ волоще, и тако ся управиша по воли»²⁶.

Вообще по наблюдению В.Л. Янина, весь период с 1136 г. до середины 1170 гг. характеризуется постоянной борьбой различных групп новгородского боярства за власть, следствием чего стало то, что княжеская власть²⁷ как институт приобретает более независимый характер²⁸. Следовательно, практика назначения в Торжок князей может также

говорить об усилении позиций княжеской власти в отношении управления пригородами, которая уже в 1176 году изменяется в связи с возрастанием роли новгородского веча.

Должность посадника для Торжка вообще не упоминается, что может быть связано с присутствием князей в пригороде. Если такую ситуацию рассматривать как доказательство тождества князя и посадника (по принципу назначения – посадить), то это подтверждает гипотезу о сущности должности пригородного посадника как должности, назначаемой сверху.

Под 1196 годом летопись сообщает интересную подробность: изгнанный новгородцами князь «...иде... на Новый Торг, и прияша и новоторжцы с поклоном, и жалаху по нем в Новгороде люди добрии...»²⁹. В этом случае действия новоторжцев кажутся вполне самостоятельными от Новгорода: они приняли бывшего новгородского князя. Правда, следует оговориться, что принятие князя «с поклоном» может оказаться просто этикетной формулой, а не свидетельством реальной политической активности жителей Торжка.

Ярослав недолго задержался в Торжке, так как уже в 1197 г. возвратился в Новгород. Однако за этот год он собирал дань по Бежецкому Верху, видимо относящемуся к Торжку (по более полному варианту НПЛ младшего извода «Ярослав княжеше на Торжку в своей волости, и дани поима во всей волости: по Верху, Мсте и за Волочком»³⁰). При этом скорее всего он собирает дань в свою пользу, так как уже в начале XIII в. во всех договорных грамотах фиксируется указание на Торжок и Бежичи как новгородские волости и специально оговаривается запрет на деятельность в них лиц княжеской администрации³¹.

Из летописного фрагмента вытекает, что Ярослав действовал независимо от Новгорода, а значит не был представителем центральной – новгородской власти в Торжке.

Таким образом, судя по основному источнику – НПЛ, зависимость Торжка проявлялась в принятии назначаемых князей и участии в военных действиях новгородцев. Однако прослеживаются и черты независимости от Новгорода: принятие «нелюбого» в Новгороде князя, наличие своих экономических ресурсов – даней в Бежичах (которые стал собирать Ярослав без новгородцев), а также возможность самостоятельного управления без участия новгородской власти (пример – княжение Ярослава в 1196–97 гг.). Последнее хорошо вписывается в общий контекст ситуации в самом Новгороде в конце XII в. В.Л. Янин связывает период с 1189 г. с началом противостояния князя и посадника, а в его лице – с республиканским органам управления³². Торжок как пригород оказыва-

ется втянутым в эту борьбу. Приняв Ярослава, Торжок на год фактически отрывается от центральных органов управления Новгорода, что говорит о потенциальной способности к этому, а значит и о наличии местной системы управления, лишь формально зависящей от Новгорода (как в случае назначения в город князя).

По управлению еще двумя пригородами – Старой Русы и Лук – летописи содержат очень скудную информацию. Косвенной информацией является упоминание об избрании епископа из Русы в 1194 г.³³ Поскольку должность епископа была связана с демократической традицией (доминирующий принцип избрания в Новгородской Руси), участие в выборах чернеца из Русы говорит о правах Русы в системе управления Новгородского государства. По Лукам есть упоминание о назначении туда Ярославом своего малолетнего сына³⁴: «...посажен княжити», умершем в 1198 г., что укладывается в предложенную выше схему отношений Новгорода с пригородами – через назначенных лиц (князей или посадников).

Рассмотрев место и значение пригородов в системе управления Новгородской земли в XII в., можно сделать общий вывод. В отношении Новгорода как носителя центральной власти в Новгородской Руси, пригороды занимали подчиненное место – высшие должностные лица в их системе управления так или иначе были связаны с Новгородом (через назначение князя или посадника, или через процедуру выбора в самом городе). Жители пригородов были обязаны участвовать в больших походах новгородцев. Однако при этом они обладали определенными правами – например, правом принятия должностных лиц, одобрение которых Новгородом могло отсутствовать; правом на участие в решении вопросов внутренней политики самого Новгорода (вопрос о смещении князя) и др. На основе прецедента – выбора епископа из Русы, можно говорить о потенциальном праве «пригорожан» на избрание в церковной сфере.

Наличие прав, в том числе важнейшего – на избрание должностных лиц, говорит в пользу присутствия демократических традиций в системе центрального управления Новгородской Руси. Данные относительно внутреннего управления пригородов восстанавливаются лишь по косвенным свидетельствам летописей, а потому подтвердить или опровергнуть наличие системы самоуправления, построенной на демократических принципах (принципы полноты прав населения, избрания, подотчетности должностных лиц), для данного периода невозможно. Наличие местной системы управления кажется необходимым для всех пригородов, однако в новгородском летописании XII века сведений об этом нет.

Таким образом, централизованная система управления Новгородской Руси через отношения город – пригороды, на основе сохранения определенной самостоятельности последних, реализует демократические принципы в системе управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Генинг В.Ф., Павленко Ю.В.* Институт племени как орган зарождающейся политической надстройки // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 73–74.

² *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 19–21.

³ Институты самоуправления: историко-правовое исследование / В.Г. Графский, Н.Н. Ефремов, В.И. Карпец и др. М., 1995. С. 54.

⁴ *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Указ. соч. С. 19–21.

⁵ ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись. М., 1962. С. 377.

⁶ *Дворниченко А.Ю.* Город в общественном сознании Древней Руси IX–XII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1987. Вып. X. С. 30.

⁷ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 391.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 207.

¹¹ НПЛ. С. 45.

¹² *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 550.

¹³ НПЛ. С. 29.

¹⁴ Там же. С. 30, 218.

¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁶ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 102.

¹⁷ *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. С. 239–243.

¹⁸ *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 10, 34.

¹⁹ *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. С. 240.

²⁰ Там же. С. 243.

²¹ *Хорошев А.С.* Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадебная А) // Новгородские археологические чтения. Новгород. 1994. С. 66.

²² *Янин В.Л.* Вислые печати Пскова // СА. 1960. № 3. С. 257.

²³ НПЛ. С. 23.

²⁴ Там же.

²⁵ НПЛ. С. 30.

²⁶ Там же. С. 35.

²⁷ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 104.

²⁸ Там же. С. 105.

²⁹ НПЛ. С. 43.

³⁰ Там же. С. 236.

³¹ ГВНП. М.; Л., 1949. С. 9, 11, 12, 15, 17, 20, 21, 24, 27, 29.

³² Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 108–109.

³³ НПЛ. С. 40.

³⁴ Там же. С. 44.

Т. МАНУСАДЖЯНАС

ПОНЯТИЕ «ОТЧИНЫ» В ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ МЕЖДУ НОВГОРОДОМ И МОСКВОЙ*

Идейно-политическая борьба между Новгородом и Москвой представляет особый интерес в свете понятия «отчины»^{**}. По возвращении Никиты Ларионова из Москвы, в Новгороде поднялись внутренние волнения, ранее нами названные «кризисом отчины». Об этом кризисе упоминается лишь в одной группе источников – официальных московских летописях. Их рассказ носит исчерпывающий характер, в них представлена точка зрения воевавших в Новгороде группировок, и точка зрения великого князя московского. Хотелось бы подробнее остановиться на настоящих данных.

Ответ Ивана III новгородскому послу Никите Ларионову, после оглашения которого и возник в Новгороде данный кризис, был таков: *«Что отчина моя, Великий Новъгород, прислали ко мнѣ бити челомъ [...] и язѣ их, князь великий, и жалую и того нареченного Феофила, и велю быти к собѣ на Москву и къ отцу своему митрополиту Филиппу, стати на архиепископю Новагорода и Пьскова безо всяких зацеповъ (зацепок. – Моск. лет. свод.), но по прежнему обычаю, какъ было при отцы моемъ, великомъ князи Василье, и при дѣдѣ, и при прадѣдѣ моемъ, и прежде бывшихъ всѣхъ великихъ князеи, ихъ же родъ есмы, Володимерскихъ и Новагорода Великаго и всея Руси».*

После того пролитовская группировка провозгласила свою программу: *«Не хотимъ за великого князя, ни зватися вотчиною его; волные есмя люди Великий Новъгородъ, а московский князь великий многи обиды*

* Статья публикуется в авторском варианте оформления. Перевод с литовского Э. Бурнейкене.

** Подробнее об этом см.: Манусаджянас Т. Новгород на политическом перекрестке в 1470–1471 гг. // ПИР. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 215–231. (Ред.).